

Кукольный дом

Автор:

Генрик Ибсен

Кукольный дом

Генрик Ибсен

Утверждая роль сознания в поведении своих героев, Ибсен строит действие своих пьес как неотвратимый процесс, закономерно ведущий к определенному результату. Поэтому он решительно отвергает какие бы то ни было сюжетные натяжки, всякое непосредственное вмешательство случая в окончательное определение судьбы своих героев. Развязка пьесы наступает как необходимый результат столкновения противоборствующих сил, всё идет своим чередом соответственно мотивам, поступкам и последствиям.

Генрик Ибсен

Кукольный дом

Henrik Johan Ibsen

ET DUKKENJEM

* * *

Действующие лица

Адвокат Хельмер.

Нора, его жена.

Доктор Ранк.

Фру Линне.

Частный поверенный Кругстад.

Трое маленьких детей четы Хельмер.

Анна-Мария, их нянька.

Служанка в доме Хельмера.

Посыльный.

Действие первое

Уютная комната, обставленная со вкусом, но недорогой мебелью. В глубине, в средней стене, две двери: одна, справа, ведет в переднюю, другая, слева, в кабинет Хельмера. Между этими дверями пианино. Посредине левой боковой стены дверь, ближе к авансцене окно. Около окна круглый стол с креслами и диванчиком. В правой стене, несколько подальше вглубь, тоже дверь, а впереди изразцовая печка; перед нею несколько кресел и качалка. Между печкой и дверью столик. По стенам гравюры. Этажерка с фарфоровыми и прочими безделушками, книжный шкафчик с книгами в роскошных переплетах. На полу ковер. В печке огонь. Зимний день.

В передней звонок. Немного погодя слышно, как дверь отпирают. Из передней в комнату входит, весело напевая, Нора, в верхней одежде, нагруженная ворохом пакетов и свертков, которые она складывает на стол направо. Дверь в переднюю остается открытой, и там виднеется посыльный, принесший елку и корзину,

которые он отдает служанке, отворившей дверь.

Нора. Хорошенько припрячь елку, Элене. Дети не должны увидеть ее раньше вечера, когда она будет украшена. (Посыльному, вынимая портмоне.) Сколько?

Посыльный. Пятьдесят эре!

Нора. Вот корона... Нет, оставьте себе все.

Посыльный кланяется и уходит. Нора затворяет дверь в переднюю, снимает с себя верхнее платье, продолжая посмеиваться тихим, довольным смехом. Потом вынимает из кармана мешочек с миндальным печеньем и съедает несколько штук. Осторожно идет к двери, ведущей в комнату мужа, и прислушивается.

Да, он дома. (Снова напевает, направляясь к столу.)

Хельмер(из кабинета). Что это, жаворонок запел?

Нора(развертывая покупки). Он самый.

Хельмер. Белочка там возится?

Нора. Да!

Хельмер. Когда же белочка вернулась?

Нора. Только что. (Прячет мешочек с печеньем в карман и обтирает себе губы.) Поди сюда, Торвальд, погляди, чего я накупила!

Хельмер. Постой, не мешай. (Немного погодя открывает дверь и заглядывает в комнату, держа перо в руке.) Накупила, говоришь? Все это?.. Так птичка опять улетала сорить денежками?

Нора. Знаешь, Торвальд, пора же нам наконец немножко раскутиться. Это ведь первое Рождество, что нам нет нужды так стесняться себя.

Хельмер. Ну и мотать нам тоже нельзя.

Нора. Немножко-то можно! Правда? Самую чуточку! Тебе ведь положили теперь большое жалованье, и ты будешь зарабатывать много-много денег.

Хельмер. Да, с нового года. Но выдадут мне жалованье только через три месяца.

Нора. Пустяки! Можно занять пока.

Хельмер. Нора! (Подходит и шутливо берет ее за ушко.) Опять наше легкомыслие тут как тут. Ты представь себе, сегодня я займу тысячу крон, ты потратишь их на праздниках, а накануне Нового года мне свалится на голову черепица с крыши – и готово.

Нора(закрывая ему рот рукой). Фу! Не говори таких гадких вещей.

Хельмер. Нет, ты представь себе подобный случай – что тогда?

Нора. Если бы уж случился такой ужас, то для меня было бы все равно – есть у меня долги или нет.

Хельмер. Ну а для людей, у которых я бы занял?

Нора. Для них? А чего о них думать! Ведь это же чужие!

Хельмер. Нора, Нора, ты еси женщина! Но серьезно, Нора, ты ведь знаешь мои взгляды на этот счет. Никаких долгов! Никогда не занимать! На домашний очаг, основанный на займах, на долгах, ложится какая-то некрасивая тень зависимости. Продержались же мы с тобой храбро до сегодняшнего дня, так уж потерпим и еще немножко – недолго ведь.

Нора(отходя к печке). Да что же, как хочешь, Торвальд.

Хельмер(за нею). Ну, ну, вот птичка и опустила крылышки. А? Белочка надулась. (Вынимает портмоне.) Нора, как ты думаешь, что у меня тут?

Нора(оборачиваясь, живо). Деньги!

Хельмер. Вот тебе! (Подает ей несколько бумажек.) Господи, я ведь знаю, мало ли в доме расходов на праздниках.

Нора(считая). Десять, двадцать, тридцать, сорок. Спасибо, спасибо тебе, Торвальд. Теперь мне надолго хватит.

Хельмер. Да, уж ты постарайся.

Нора. Да, да, непременно. Но поди сюда, я тебе покажу, что я накупила. И как дешево! Гляди, вот новый костюм Ивару и сабля. Вот лошадка и труба Бобу. А вот кукла и кукольная кроватка для Эмми. Простенькие, но она все равно их скоро поломает. А тут на платья и передники прислуге. Старухе Анне-Мари следовало бы, конечно, подарить побольше...

Хельмер. А в этом пакете что?

Нора(вскакивая). Нет, нет, Торвальд! Этого тебе нельзя видеть до вечера!

Хельмер. Ну-ну! А ты вот что скажи мне, маленькая мотовка, что ты себе самой присмотрела?

Нора. Э, мне ровно ничего не надо.

Хельмер. Разумеется, надо! Назови же мне теперь что-нибудь такое разумное, чего бы тебе больше всего хотелось.

Нора. Право же, не надо. Или... Послушай, Торвальд...

Хельмер. Ну?

Нора(перебирая пуговицы его пиджака и не глядя на него). Если уж ты хочешь подарить мне что-нибудь, так ты бы... ты бы...

Хельмер. Ну, ну, говори же.

Нора(быстро). Ты бы дал мне деньгами, Торвальд. Сколько можешь. Я бы потом, на днях, и купила себе на них что-нибудь.

Хельмер. Нет, послушай, Нора...

Нора. Да, да, сделай так, милый Торвальд! Прошу тебя! Я бы завернула деньги в золотую бумажку и повесила на елку. Разве это не было бы весело?

Хельмер. А как зовут тех пташек, которые вечно сорят денежками?

Нора. Знаю, знаю – мотовками. Но сделаем, как я говорю, Торвальд. Тогда у меня будет время обдумать, что мне особенно нужно. Разве это не благоразумно? А?

Хельмер(улыбаясь). Конечно, то есть если бы ты в самом деле могла придержать эти деньги и потом действительно купить на них что-нибудь себе самой. А то и они уйдут на хозяйство, на разные ненужные мелочи, и мне опять придется раскошеляться.

Нора. Ах, Торвальд...

Хельмер. Тут спорить не приходится, милочка моя. (Обнимает ее.) Птичка мила, но тратит ужасно много денег. Просто невероятно, как дорого обходится мужу такая птичка.

Нора. Фу! Как можно так говорить! Я же экономлю сколько могу.

Хельмер(весело). Вот уж правда истинная! Сколько можешь. Но ты совсем не можешь.

Нора(напевает и улыбается). Гм! Знал бы ты, сколько у нас, жаворонков и белочек, всяких расходов, Торвальд!

Хельмер. Ты маленькая чудачка! Две капли воды – твой отец. Только и хлопчешь, как бы раздобыть денег. И как добудешь – глядь, они между пальцами и прошли, сама никогда не знаешь, куда их девала. Ну что ж, приходится брать тебя такой, какова ты есть. Это уж в крови у тебя. Да, да, это в тебе наследственное, Нора.

Нора. Ах, побольше бы мне унаследовать от папы его качеств!

Хельмер. А мне бы не хотелось, чтобы ты была другой, чем ты есть, мой милый жавороночек! Но слушай, мне сдаётся, ты... у тебя... как бы это сказать? У тебя какой-то подозрительный вид сегодня.

Нора. У меня?

Хельмер. Ну да. Погляди-ка мне прямо в глаза.

Нора(глядит на него). Ну?

Хельмер(грозя пальцем). Лакомка не кутнула сегодня немножко в городе?

Нора. Нет, что ты!

Хельмер. Будто уж лакомка не забегала в кондитерскую?

Нора. Но уверяю тебя, Торвальд...

Хельмер. И не отведала варенья?

Нора. И не думала.

Хельмер. И не погрызла миндальных печений?

Нора. Ах, Торвальд, уверяю же тебя...

Хельмер. Ну-ну-ну! Естественно, я просто шучу...

Нора(идя к столу направо). Мне и в голову не пришло бы делать тебе наперекор.

Хельмер. Знаю, знаю. Ты ведь дала мне слово. (Подходя к ней.) Ну, оставь при себе свои маленькие рождественские секреты, моя дорогая Нора. Они, верно, всплывут наружу сегодня же вечером, когда будет зажжена елка.

Нора. Ты не забыл пригласить доктора Ранка?

Хельмер. Не приглашал. Да это и не нужно. Само собой, он ужинает у нас. Впрочем, я еще успею ему напомнить: он зайдет до обеда. Вино я заказал хорошее. Нора, ты не поверишь, как я радуюсь сегодняшнему вечеру.

Нора. И я! А дети-то как будут рады, Торвальд!

Хельмер. Ах, какое наслаждение сознавать, что ты добился верного, обеспеченного положения, что у тебя будет теперь солидный доход. Не правда ли, приятное сознание?

Нора. О, чудесно!

Хельмер. А помнишь прошлое Рождество? Ты целых три недели затворялась у себя по вечерам и до поздней ночи все мастерила цветы и какие-то другие прелести для елки, которыми хотела всех нас поразить. У-у, скучнее времени я не запомню.

Нора. Я-то вовсе не скучала.

Хельмер(с улыбкой). Но толку-то вышло немного, Нора.

Нора. Ты опять будешь меня дразнить этим? Что же я могла поделать, если кошка забралась и все разодрала в куски!

Хельмер. Ну, разумеется, ничего не могла поделать, моя бедняжка. Ты от всей души хотела нас всех порадовать, и в этом вся суть. Но хорошо все-таки, что эти тугие времена прошли.

Нора. Да, прямо чудесно!

Хельмер. Не нужно больше ни мне сидеть одному и скучать, ни тебе портить свои милые, славные глазки и нежные ручки...

Нора(хлопая в ладоши). Не правда ли, Торвальд, не нужно больше? Ах, как чудесно, восхитительно слышать это! (Берет его под руку.) Теперь я расскажу тебе, как я мечтаю устроиться, Торвальд. Вот, как только праздники пройдут...

Звонок в передней.

Ах, звонят! (Прибирает немного в комнате.) Верно, кто-нибудь к нам. Досадно.

Хельмер. Если кто-нибудь в гости, меня нет дома, помни.

Служанка(в дверях передней). Барыня, там незнакомая дама.

Нора. Так проси сюда.

Служанка(Хельмеру). И доктор.

Хельмер. Прямо ко мне прошел?

Служанка. Да, да.

Хельмер уходит в кабинет. Служанка вводит фру Линне, одетую по-дорожному, и закрывает за нею дверь.

Фру Линне(смущенно, с запинкой). Здравствуй, Нора.

Нора(неуверенно). Здравствуйте...

Фру Линне. Ты, видно, не узнаешь меня?

Нора. Нет. Не знаю... Да, кажется... (Порывисто.) Как! Кристина... Неужели ты?!

Фру Линне. Я.

Нора. Кристина! А я-то не узнала тебя сразу! Да и как было... (Понизив голос.) Как ты переменилась, Кристина!

Фру Линне. Еще бы. За девять-десять долгих лет...

Нора. Неужели мы так давно не видались? Да, да, так и есть. Ах, последние восемь лет – вот, право, счастливое было время!.. Так ты приехала сюда, к нам в город? Пустилась в такой длинный путь зимой! Храбрая!

Фру Линне. Я сегодня только приехала с утренним пароходом.

Нора. Чтобы повеселиться на праздниках, конечно. Ах как славно! Ну и повеселимся же! Да ты разденься. Тебе ведь не холодно? (Помогает ей.) Вот так. Теперь усядемся поудобнее около печки. Нет, ты в кресло! А я на качалку! (Берет ее за руки.) Ну вот, теперь опять у тебя твое прежнее лицо. Это лишь в первую минуту... Хотя немножко ты все-таки побледнела, Кристина, и, пожалуй, немножко похудела.

Фру Линне. И сильно, сильно постарела, Нора.

Нора. Пожалуй, немножко, чуть-чуть, вовсе не очень. (Вдруг останавливается и переходит на серьезный тон.) Но какая же я пустоголовая – сижу тут, болтаю! Милая, дорогая Кристина, прости меня!

Фру Линне. В чем дело, Нора?

Нора(тихо). Бедная Кристина, ты же овдовела.

Фру Линне. Три года назад.

Нора. Да, я знаю. Я читала в газетах. Ах, Кристина, поверь, я столько раз собиралась написать тебе в то время, да все откладывала, все что-нибудь мешало.

Фру Линне. Милая Нора, я отлично понимаю.

Нора. Нет, это было гадко с моей стороны, Кристина. Ах ты, бедняжка, сколько ты, верно, перенесла. И он не оставил тебе никаких средств?

Фру Линне. Никаких.

Нора. Ни детей?

Фру Линне. Ни детей.

Нора. Ничего, стало быть?

Фру Линне. Ничего. Даже ни горя, ни сожалений, чем можно было бы питать память.

Нора(глядя на нее недоверчиво). Но как же это может быть, Кристина?

Фру Линне(с горькой улыбкой, глядя Нору по голове). Иногда бывает, Нора.

Нора. Значит, одна-одинешенька. Как это, должно быть, ужасно тяжело. А у меня трое прелестных детей. Сейчас ты их не увидишь. Они гуляют с нянькой. Но ты непременно Расскажи мне обо всем...

Фру Линне. Нет, нет, нет, рассказывай лучше ты.

Нора. Нет, сначала ты. Сегодня я не хочу быть эгоисткой. Хочу думать только о твоих делах. Но одно все-таки мне надо сказать тебе. Знаешь, какое счастье привалило нам на днях?

Фру Линне. Нет. Какое?

Нора. Представь, муж сделался директором Акционерного банка!

Фру Линне. Твой муж? Вот удача!..

Нора. Невероятная! Адвокатура – это такой неверный хлеб, особенно если желаешь браться только за самые чистые, хорошие дела. А Торвальд, разумеется, других никогда не брал, и я, конечно, вполне с ним согласна. Ах, ты понимаешь, как мы рады. Он вступит в должность с нового года и будет получать большое жалованье и хорошие проценты. Тогда мы сможем жить совсем по-другому, чем до сих пор, – вполне по своему вкусу. Ах, Кристина, у меня так легко стало на сердце, я так счастлива! Ведь это же чудесно иметь

много-много денег и не знать ни нужды, ни забот. Правда?

Фру Линне. Да, во всяком случае, должно быть, чудесно иметь все необходимое.

Нора. Нет, не только необходимое, но много-много денег.

Фру Линне(улыбаясь). Нора, Нора! Ты все еще не стала благоразумнее! В школе ты была большой мотовкой.

Нора(тихо посмеиваясь). Торвальд и теперь меня так зовет. (Грозит пальцем.) Однако «Нора, Нора» не такая уж сумасбродка, как вы воображаете... Нам, право, не так жилось, чтобы я могла мотать. Нам обоим приходилось работать!

Фру Линне. И тебе?

Нора. Ну да, разные там мелочи по части рукоделия, вязания, вышивания и тому подобного. (Вскользь.) И... кое-что еще. Ты ведь знаешь, что Торвальд оставил службу в министерстве, когда мы поженились? Не было никаких видов на повышение, а зарабатывать ведь надо было больше прежнего. Ну, в первый год он работал сверх всяких сил. Просто ужасно. Ему приходилось брать всякие добавочные занятия – ты понимаешь – и работать с утра до вечера. Ну не выдержал, захворал, был при смерти, и доктора объявили, что необходимо отправить его на юг.

Фру Линне. Вы и провели тогда целый год в Италии?

Нора. Ну да. А нелегко было нам подняться с места, поверь. Ивар тогда только что родился. Но ехать все-таки было необходимо. Ах, что это была за чудная, дивная поездка! И Торвальд был спасен. Но сколько денег пошло – страсть, Кристина!

Фру Линне. Могу себе представить.

Нора. Тысяча двести специй-далеров. Четыре тысячи восемьсот крон. Большие деньги.

Фру Линне. Да, но, во всяком случае, большое счастье, если есть где взять их в такое время.

Нора. Надо тебе сказать, мы получили их от папы.

Фру Линне. А, так. Да, кажется, отец твой как раз тогда и умер.

Нора. Да, как раз тогда. И подумай, я не могла поехать к нему, ходить за ним. Я со дня на день ждала малютку Ивара. И вдобавок у меня на руках был мой бедный Торвальд, чуть не при смерти. Милый, дорогой папа! Так и не пришлось мне больше свидеться с ним, Кристина. Это самое тяжелое горе, что я испытала замужем.

Фру Линне. Я знаю, ты очень любила отца. Так, значит, после этого вы отправились в Италию?

Нора. Да. Деньги ведь у нас были, а доктора гнали. Мы и уехали через месяц.

Фру Линне. И муж твой вернулся вполне здоровым?

Нора. Совершенно!

Фру Линне. А... доктор?

Нора. То есть?

Фру Линне. Кажется, девушка сказала, что господин, который пришел со мной вместе, – доктор.

Нора. А-а, это доктор Ранк. Но он приходит не с врачебным визитом. Это наш лучший друг, и уж хоть разок в день да наведается к нам. Нет, Торвальд с тех пор ни разу не прихворнул даже. И дети бодры и здоровы, и я. (Вскакивая и хлопая в ладоши.) О господи, Кристина, как чудесно жить и чувствовать себя счастливой! Нет, это просто отвратительно с моей стороны – я говорю все только о себе. (Садится на скамеечку рядом с фру Линне и кладет руки ей на колени.) Ты не сердись на меня!.. Скажи, правда это: ты в самом деле не любила своего мужа? Зачем же ты вышла за него?

Фру Линне. Мать моя была еще жива, но такая слабая, беспомощная, не вставала с постели. И еще у меня были на руках два младших брата. Я и не сочла себя вправе отказать ему.

Нора. Да, да, пожалуй, ты права. Значит, он был тогда богат?

Фру Линне. Довольно состоятелен, кажется. Но дело его было поставлено непрочно. И когда он умер, все рухнуло и ничего не осталось.

Нора. И?..

Фру Линне. И мне пришлось перебиваться мелкой торговлей, маленькой школой и вообще чем придется. Эти три последних года тянулись для меня как один долгий, сплошной рабочий день без отдыха. Теперь он кончился, Нора. Моя бедная мать не нуждается во мне больше – умерла. И мальчики стали на ноги, сами могут о себе заботиться.

Нора. Так у тебя теперь легко на душе...

Фру Линне. Не скажу. Напротив, страшно пусто. Не для кого больше жить. (Встает в волнении.) Оттого я и не выдержала там у нас, в медвежьем углу. Тут, верно, легче будет найти, к чему приложить силы и чем занять мысли. Удалось бы мне только получить какую-нибудь постоянную службу, какую-нибудь конторскую работу...

Нора. Ах, Кристина, это так ужасно утомительно, а у тебя и без того такой измученный вид. Тебе бы лучше поехать куда-нибудь на купанья.

Фру Линне(отходя к окну). У меня нет папы, который бы снабдил меня деньгами на дорогу, Нора.

Нора(вставая). Ах, не сердись на меня!

Фру Линне(идя к ней). Милая Нора, ты на меня не сердись. Хуже всего в моем положении то, что в душе осаждается столько горечи. Работать не для кого, а все-таки приходится хлопотать и всячески биться. Жить ведь надо, вот и становишься эгоисткой. Ты сейчас рассказала мне о счастливой перемене ваших

обстоятельств, а я – поверишь – обрадовалась не столько за тебя, сколько за себя.

Нора. Как так? Ах, понимаю: ты думаешь, Торвальд может что-нибудь сделать для тебя?

Фру Линне. Я это подумала.

Нора. Он и сделает, Кристина. Предоставь только все мне. Я так тонко-тонко все подготовлю, придумаю что-нибудь такое особенное, чем задобрить его. Ах, я бы от души хотела помочь тебе.

Фру Линне. Как это мило с твоей стороны, Нора, что ты так горячо берешься за мое дело... Вдвойне мило с твоей стороны – тебе самой так мало знакомы житейские заботы и тяготы.

Нора. Мне? Мне они мало знакомы?

Фру Линне(улыбаясь). Ну, боже мой, какие-то занятия рукоделием и тому подобное... Ты дитя, Нора!

Нора(закидывая голову и прохаживаясь по комнате). Тебе бы не следовало говорить со мной таким тоном.

Фру Линне. Да?

Нора. И ты – как другие. Вы все думаете, что я не годна ни на что серьезное...

Фру Линне. Ну-ну?

Нора. Что я ровно ничего такого не испытала в этой трудной жизни.

Фру Линне. Милая Нора, ты же только что поведала мне все свои испытания.

Нора. Э, пустяки одни! (Тихо.) Главного я тебе не рассказала.

Фру Линне. Главного? Что ты хочешь сказать?

Нора. Ты все смотришь на меня свысока, Кристина. А это напрасно. Ты гордишься, что несла такой тяжелый, долгий труд ради своей матери...

Фру Линне. Я, право, ни на кого не смотрю свысока. Но верно – я горжусь и радуюсь, вспоминая, что мне выпало на долю облегчить остаток дней моей матери.

Нора. Ты гордишься также, вспоминая, что? сделала для братьев.

Фру Линне. Мне кажется, я в праве.

Нора. И мне так кажется. Но вот ты послушай, Кристина. И мне есть чем гордиться, чему радоваться.

Фру Линне. Не сомневаюсь! Но в каком смысле?

Нора. Говори тише. Вдруг Торвальд услышит! Ему ни за что в мире нельзя... Никому нельзя знать об этом, Кристина, никому, кроме тебя.

Фру Линне. Да в чем дело?

Нора. Поди сюда. (Привлекает ее на диван рядом с собой.) Да, видишь... и мне есть чем гордиться, чему радоваться. Это я спасла жизнь Торвальду.

Фру Линне. Спасла? Как спасла?

Нора. Я же рассказывала тебе о поездке в Италию. Торвальд не выжил бы, если бы не попал на юг.

Фру Линне. Ну да. И твой отец дал вам нужные средства.

Нора(с улыбкой). Это Торвальд так думает и все другие, но...

Фру Линне. Но...

Нора. Папа не дал нам ни гроша. Это я достала деньги.

Фру Линне. Ты? Всю эту крупную сумму?

Нора. Тысячу двести специй. Четыре тысячи восемьсот крон. Что ты скажешь?

Фру Линне. Но как это возможно, Нора? Выиграла в лотерею, что ли?

Нора(презрительно). В лотерею! (Фыркает.) Это была бы не штука!

Фру Линне. Так откуда же ты взяла их?

Нора(напевая и таинственно улыбаясь). Гм! Тра-ля-ля-ля!

Фру Линне. Не могла же ты занять.

Нора. Вот? Почему так?

Фру Линне. Да жена ведь не может делать долгов без согласия мужа.

Нора(закидывая голову). Ну, если жена немножко смыслит в делах, если жена понимает, как нужно умненько взяться за дело, то...

Фру Линне. Нора, я решительно ничего не понимаю.

Нора. И не надо тебе понимать. Я ведь и не сказала, что заняла деньги. Могла же я добыть их другим путем. (Откидывается на спинку дивана.) Могла получить от какого-нибудь поклонника. При такой привлекательной наружности, как у меня...

Фру Линне. Ты сумасбродка.

Нора. Теперь тебе, верно, безумно хотелось бы все узнать, Кристина?

Фру Линне. Послушай, милая Нора, ты не выкинула чего-нибудь безрассудного?

Нора(выпрямляясь на диване). Разве безрассудно спасти жизнь своему мужу?

Фру Линне. По-моему, безрассудно, если ты без его ведома...

Нора. Да ведь ему нельзя было ни о чем знать! Господи, как ты этого не понимаешь? Он не должен был и подозревать, в какой он опасности. Это мне доктора сказали, что жизнь его в опасности, что одно спасение – увезти его на юг. Ты думаешь, я не пыталась сначала всячески выпутаться? Я заводила разговоры о том, что и мне хотелось бы побывать за границей, как другим молодым дамам. Я и плакала, и просила; говорила, что ему не худо бы помнить о моем «положении», что теперь надо всячески мне угождать; намекала, что можно занять денег. Так он почти рассердился, Кристина. Сказал, что у меня ветер в голове и что его долг как мужа не потакать моим капризам и прихотям, – так он, кажется, выразился. Хорошо, хорошо, думаю я, а спасти тебя все-таки нужно, и нашла выход...

Фру Линне. И твой муж так и не узнал от твоего отца, что деньги были не от него?

Нора. Так и не узнал. Папа ведь умер как раз в эти дни. Я-то хотела было посвятить его в дело и просить, чтобы он не выдавал меня. Но он был уже так плох – и мне, к сожалению, не понадобилось прибегать к этому.

Фру Линне. И ты до сих пор не призналась мужу?

Нора. Нет, боже избави, что ты! Он такой строгий по этой части. И кроме того, с его мужским самолюбием... Для него было бы так мучительно, унижительно узнать, что он обязан мне чем-нибудь. Это перевернуло бы вверх дном все наши отношения. Наша счастливая семейная жизнь перестала бы тогда быть тем, что она есть.

Фру Линне. И ты никогда ему не скажешь?

Нора(подумав и слегка улыбаясь). Да... когда-нибудь, пожалуй... когда пройдет много-много лет и я уж не буду такая хорошенькая. Ты не смейся. Я, разумеется, хочу сказать: когда я уже не буду так нравиться Торвальду, как теперь, когда его уже не будут развлекать мои танцы, переодевания, декламации. Тогда

хорошо будет иметь какую-нибудь заручку... (Обрывая.) Вздор, вздор, вздор! Этого никогда не будет!.. Ну, что же ты скажешь о моей великой тайне, Кристина? Гожусь я на что-нибудь? Ты не думай, что это дело не причиняет мне больших забот. Мне, право, иногда совсем не легко бывает оправдывать в срок свои обязательства. В деловом мире, скажу я тебе, существует взнос процентов по третям и взносы в погашение долга, как это называется. А деньги всегда ужасно трудно добывать. Вот и приходилось экономить на чем только можно... понимаешь? Из денег на хозяйство я не могла особенно много откладывать – Торвальду нужен был хороший стол. И детей нельзя было одевать кое-как. Что я получала на них, то целиком на них и уходило. Милые мои крошки!

Фру Линне. Так тебе, верно, приходилось отказывать себе самой, бедняжка?

Нора. Понятно. Ведь я же была больше всех заинтересована! Торвальд даст, бывало, мне денег на новое платье и тому подобное, а я всегда истрочу только половину. Все подешевле да попроще покупала. Счастье еще, что мне все к лицу и Торвальд никогда ничего не замечал. Но самой-то мне иной раз бывало нелегко, Кристина. Ведь это такое удовольствие хорошо одеваться! Правда?

Фру Линне. Пожалуй.

Нора. Ну, были у меня, конечно, и другие источники. Прошлой зимой повезло, я получила массу переписки. Каждый вечер запиралась у себя в комнате и писала, писала до поздней ночи. Ах, иной раз до того, бывало, устанешь! Но все-таки ужасно приятно было сидеть так и работать, зарабатывать деньги. Я чувствовала себя почти мужчиной.

Фру Линне. Но сколько же тебе таким путем удалось выплатить?

Нора. Вот уж не могу сказать тебе в точности. В таких делах, видишь ли, очень трудно разобраться. Знаю лишь, что выплачивала столько, сколько мне удавалось сколотить. Но часто у меня прямо руки опускались. (Улыбаясь.) Тогда сяду, бывало, и начну себе представлять, что вот в меня влюбился богатый старик...

Фру Линне. Что? Какой старик?

Нора. Ах, никакой!.. Что он умирает, его завещание вскрыто, и там крупными буквами написано: «Все мои деньги получает немедленно и чистоганом любезнейшая фру Нора Хельмер».

Фру Линне. Но, милая Нора, что же это за старик?

Нора. Господи, как ты не понимаешь? Никакого старика и не было вовсе. Это просто одно мое воображение. Я просто тешила себя этим, когда не знала, где добыть денег. Ну да бог с ним совсем, с этим скучным стариком. Теперь мне все равно. Не нужно мне больше ни его, ни его завещания. Теперь у меня нет забот, Кристина! (Вскакивает.) О господи, какая прелесть! Подумать только: никаких забот! Не знать ни забот, ни хлопот! Жить себе да поживать, возиться с детишками! Обставить свой дом так красиво, изящно, как любит Торвальд. А там, подумай, не за горами и весна, голубое небо, простор. Может быть, удастся прокатиться куда-нибудь. Пожалуй, опять увидеть море! Ах, право, как чудесно жить и чувствовать себя счастливой!

В передней слышен звонок.

Фру Линне(встает). Звонят. Мне, пожалуй, лучше уйти.

Нора. Нет, оставайся. Сюда вряд ли кто придет. Это, верно, к Торвальду...

Служанка(в дверях передней). Извините, барыня, тут один господин желает поговорить с господином адвокатом.

Нора. То есть с директором банка, хочешь ты сказать.

Служанка. С господином директором. Но я не знаю – ведь там доктор...

Нора. А что это за господин?

Крогстад(в дверях). Это я, фру Хельмер.

Фру Линне, пораженная, вздрагивает и отворачивается к окну.

Нора(делая шаг к вошедшему, с волнением, понизив голос). Вы? Что это значит?
О чем вы хотите говорить с моим мужем?

Крогстад. О банковских делах, в некотором роде. Я занимаю маленькую должность в Акционерном банке, а ваш муж будет теперь нашим директором, как я слышал...

Нора. Значит...

Крогстад. По личному делу, фру Хельмер. Ничего больше.

Нора. Так будьте добры пройти к нему в кабинет. (Равнодушно кланяется, затворяет дверь в прихожую, затем подходит к печке посмотреть, хорошо ли она топится.)

Фру Линне. Нора... кто это был?

Нора. Частный поверенный Крогстад.

Фру Линне. Значит, действительно он.

Нора. Ты знаешь этого человека?

Фру Линне. Знала... Несколько лет тому назад. Он ведь одно время вел дела в наших краях.

Нора. Да, правда.

Фру Линне. Как он изменился!

Нора. Он, кажется, был очень неудачно женат.

Фру Линне. Теперь ведь он вдовец?

Нора. С кучей детей... Ну вот, разгорелось. (Закрывает дверцу печки и слегка отодвигает в сторону качалку.)

Фру Линне. Он, говорят, занимается самыми разными делами?

Нора. Да. Очень возможно. Я совсем не знаю. Но довольно нам думать о делах. Это скучно.

Из кабинета Хельмера выходит доктор Ранк.

Доктор Ранк(еще в дверях). Нет, нет, я не хочу мешать. Я лучше загляну к твоей жене. (Затворяет за собою дверь и замечает фру Линне.) Ах, извините! Я и тут, кажется, помешаю.

Нора. Ничуть. (Представляет их друг другу.) Доктор Ранк – фру Линне.

Ранк. Вот как. Это имя я частенько слышал здесь в доме. Кажется, я обогнал вас на лестнице, когда шел сюда.

Фру Линне. Да!.. Я поднимаюсь очень медленно. Мне трудно...

Ранк. Ага... Маленькая порча внутреннего механизма?

Фру Линне. Скорее простое переутомление.

Ранк. Только? Так, верно, приехали в город отдохнуть... бегая по гостям?

Фру Линне. Я приехала сюда искать работы.

Ранк. Что же, это особенно верное средство от переутомления?

Фру Линне. Жить ведь надо, доктор.

Ранк. Да, как-то принято думать, будто это необходимо.

Нора. Ну, знаете, доктор!.. И вы ведь тоже не прочь пожить.

Ранк. Ну да, положим. Как мне ни плохо, я все-таки готов жить и мучиться как можно дольше. И все мои пациенты тоже. И все нравственные калеки то же самое. Сейчас вот один такой сидит у Хельмера...

Фру Линне(тихо). А!..

Нора. Кого вы имеете в виду?

Ранк. Частного поверенного Кругстада, человека, о котором вы ничего не знаете. У него подгнили самые корни характера, сударыня. Но и он там начал твердить как нечто непреложное, что и ему надо жить.

Нора. Да? О чем же он пришел говорить с Торвальдом?

Ранк. Право, не знаю. Слышал только что-то насчет Акционерного банка.

Нора. Я не знала, что Круг... что этот частный поверенный Кругстад причастен к банку.

Ранк. Да, он занимает там какую-то должность. (Фру Линне.) Не знаю, водятся ли и в ваших краях такого сорта люди, которые, точно в горячке, шныряют повсюду, разнюхивая, не пахнет ли где нравственной гнилью, чтобы затем быть на виду для определения на какую-нибудь выгодную должность. Здоровым же приходится смиренно оставаться за флагом.

Фру Линне. Да ведь больные-то больше всего и нуждаются в попечении.

Ранк(пожимая плечами). Вот то-то и оно-то. Благодаря таким взглядам общество и превращается в больницу.

Нора, занятая собственными мыслями, вдруг заливается негромким смехом и хлопает в ладоши.

А вы что смеетесь над этим? Знаете ли вы, в сущности, что такое общество?

Нора. Очень мне нужно ваше скучное общество! Я совсем другому смеюсь... Ужасно забавно! Скажите, доктор, теперь все служащие в этом банке подчинены

Торвальду?

Ранк. Так это-то вас так ужасно забавляет?

Нора(улыбаясь и напевая). Это уж мое дело. Мое дело. (Прохаживается по комнате.) Да, в самом деле, ужасно приятно подумать, что мы... то есть Торвальд приобрел такое влияние на многих, многих людей. (Вынимает из кармана мешочек.)

Ранк. Те-те-те! Миндальное печенье! Я думал, это у вас запретный плод.

Нора. Да, но это Кристина мне принесла немножко.

Фру Линне. Что?.. Я?..

Нора. Ну-ну-ну, не пугайся. Ты же не могла знать, что Торвальд запретил. Надо тебе сказать, он боится, что я испорчу себе зубы. Но что за беда – разочек! Правда, доктор? Извольте! (Сует ему в рот печенье.) Вот и тебе, Кристина. И мне можно одну штучку, маленькую, или уж две, так и быть. (Прохаживается опять.) Да, я, право, бесконечно счастлива. Одного только мне бы ужасно хотелось еще...

Ранк. Ну? Чего же это?

Нора. Ужасно бы хотелось сказать при Торвальде одну вещь.

Ранк. Так что же вы не скажете?

Нора. Не смею. Это гадко.

Фру Линне. Гадко?

Ранк. В таком случае не советую. Но при нас можно смело... Ну, что же это вам так ужасно хотелось бы сказать при Хельмере?

Нора. Ужасно хотелось бы сказать: черт подери!

Ранк. Что вы, что вы!

Фру Линне. Помилуй, Нора!

Ранк. Скажите. Вот он идет.

Нора(пряча мешочек с печеньем). Тсс-тсс-тсс!

Хельмер, с перекинутым через руку пальто и держа в другой руке шляпу, выходит из кабинета.

(Идя к нему.) Ну, милый, спровадил его?

Хельмер. Да, ушел.

Нора. Позволь тебя познакомиться. Это Кристина, приехала сюда в город...

Хельмер. Кристина?.. Извините, но я не знаю...

Нора. Фру Линне, милый, фру Кристина Линне!

Хельмер. Ах вот что! По-видимому, подруга детства моей жены?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ibsen_genrik/kukol-nyu-dom

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)